

А. Шевцов

— ... —

Заметки
о воспитании
детей

— ... —

Прикладная культурно-историческая психология

Александр Шевцов

**Заметки о воспитании
детей (сборник)**

«Издательство Роща»

2013-2019

Шевцов А. А.

Заметки о воспитании детей (сборник) / А. А. Шевцов —
«Издательство Роща», 2013-2019 — (Прикладная культурно-
историческая психология)

ISBN 978-5-990556-84-3

От редакции Нас часто просят издать «что-то о воспитании». Пока такая книга не написана, мы решили собрать из разных книг всё, что относится к этой теме в настоящей хрестоматии. «Главная задача с пелёнок обучать разум ребенка, чтобы он соответствовал своему божественному предназначению стать человеком разумным» (из ответов А. Шевцова на вопросы читателей). Книга выстроена как заметки, касающиеся именно воспитания и обучения ребенка с раннего возраста. Здесь собраны материалы из опубликованных ранее книг А. Шевцова и ответы на вопросы в сетевых семинарах.

ISBN 978-5-990556-84-3

© Шевцов А. А., 2013-2019
© Издательство Роща, 2013-2019

Содержание

Материнская любовь[2]	6
Сквозь образы миров[3]	8
О педагогике	11
О педагогике и детской психологии[4]	11
Человек как предмет воспитания. Ушинский[5]	12
Целое души	13
Образование внимания	15
Развитие детского внимания	17
Особое существо	19
Прикладная психология внимания	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Александрович Шевцов

Заметки о воспитании детей

© Шевцов А. А., 2013-2019

© Издательство «Роща», 2019

«Я допускаю, что душа приходит в этот мир уже с любовью к тем, кого избрала своими родителями. А это значит, что ребенок любит свою мать еще в утробе...»
из книги А. Шевцова «Записки о способностях»¹

¹ А. Шевцов. Записки о способностях. – Издательское товарищество «Роща Академии», 2011.

Материнская любовь²

«...» Присмотритесь, как ведут себя дети, которых действительно любят, но любят разумно? С ними всегда можно договориться, и они не обижаются по пустякам. Дети вообще не обижаются по пустякам. Если ребенок обиделся из-за игрушки, значит, либо эта игрушка была для него чрезвычайно важна, а мама этого не увидела. Либо эта игрушка далеко не первая в очереди обид, и она просто переполнила чашу его терпения.

Что значит, что мама не рассмотрела, насколько важна для ребенка эта вещь или постоянно отказывает ему в том, что требует его душа? Означает это именно то, что она его не очень любит. При этом сама мама может считать, что это несправедливо, что она не просто любит, она все делает для своего дитяти! А сбой эти всего лишь от того, что она его не понимает, или он не понимает её...

В это стоит вдуматься. Мама действительно может очень сильно любить своего ребенка, но не понимать. Почему? Потому что она любит его где-то в ином месте, не в том, где пробегает искра их общения. Она знает, что ему действительно нужно, считает его ещё слишком маленьким и глупым, чтобы понимать, как устроена НАСТОЯЩАЯ жизнь, и потому общается с ним заставой. Заставой мазыки называли своеобразное устройство сознания, которое создается, чтобы изображать общение, когда тебе надо подумать о своем. В сказках его называли говорящими слюнями – они знают несколько фраз, которые и произносят, как кажется, к месту...

Ребенок считает, что мать не любит его, и обижается. Мать же обижается на ребенка за то, что он не понимает ее, и обижается зря...

Я не хочу разбирать тот случай, когда мать и в самом деле не любит своего ребенка, все-таки я пишу о материнской любви. Поэтому я описываю ловушку, в которой находятся оба. И похоже, неправа в данном случае мать. И неправа, так сказать, культурно.

Откуда она знает, что нужно ребенку?

Из культуры. Из своего воспитания, из знаний об устройстве мира, о том, что действительно важно и ценно. В общем, из того мировоззрения, которое приняла. А мировоззрение наше, по существу своему, материалистическое и естественнонаучное. Даже если мы не знаем науки, все же мы предпочитаем верить обществу в том, что есть только тела, и главное в жизни – обеспечить их выживание. И вот мать заботится именно о теле ребенка – чтобы он был сыт, обут, одет, получил образование и занял сытое и легкое место, где не придется ломить, как ломит она... Или еще как-то хитро пристроился в жизни, обойдя трудности и не сделав тех ошибок, что делала сама мать или ее знакомые...

А что хочет ребенок?

У него пока еще нет знаний, нет мировоззрения, есть только разум, образ мира и душа, которая пришла в это тело с какими-то своими задачами. И ей нужно для их решения обучиться и обучить тело чему-то, что она пока может достичь только через игры и игрушки. И душа ребенка просит игрушку.

Просит она её вовсе не такую, какая есть в магазине, а такую, какую видит в той магазинной игрушке. Она вполне примет замену, лишь бы только в этой замене было то, что нужно. Эту замену можно сделать дешево, если не хватает денег, надо только понять, что же ребенок ищет.

Я делаю детям луки из ветки и веревки, и они забрасывают покупные пластиковые луки, сверкающие красками и лампочками. Делаю мечи из дощечек и полосок жести, и они предпочитают их покупным... Значит, душе ребенка нужно не то, что в магазине, а то, что ей

² Глава из книги И. Скомороха «Битва за любовь». Иваново: ИТ «Роща Академии», 2013.

нужно, что несет большой заряд образности, что больше соответствует её ожиданиям. Это стоит понять, если любишь ребенка.

Но иногда ребенку нужна именно покупная вещь, и именно та вещь. Почему? Каприз? Скорее всего, нет. Его надо расспросить и понять, и выяснится что-нибудь вроде того, что приятелю купили такую вещь, и тот обидел вашего ребенка, унизив его как-то. К примеру, болезненно похваставшись.

Чем? Как кажется, тем, что у него есть такие вещи. Что родители постоянно покупают ему что-то подобное.

Не обольщайтесь и не попадайтесь. Дети воплощаются в разных социальных уровнях, и в каждом оказываются те, кто выше других, кто умудряется обидеть всех, похваставшись тем, чего нет у остальных. Причем, ребенок, стоящий на пограничье уровней и потому могущий гулять с детьми двух сообществ, в одном ощущает унижение, потому что у него вещи беднее, чем у богачей, а в другом этими же своими бедными вещами унижает других детей.

Значит, вопрос не в самих вещах. Дети легко принимают условия своей жизни – просто их мир такой. И находят в каждом мире всю полноту радостей и печалей, которые нужны их душе.

И если вы вдумаетесь, то без сомнения разглядите ответ в словах, которые звучали в любом хвастовстве, которым вас обижали когда-то более успешные товарищи: мне родители купили! Мне папа сделал!

Дети хвастаются не вещами. Они хвастаются любовью, которую получают от родителей. В сущности, тем же хвастаются и женщины, когда рассказывают о подарках, которые делают им мужья или любовники. Подарки с это мера любви и ее знаки.

Значит, обиду ребенка, которому вы не можете купить дорогую вещь, вполне можно излечить, сделав ему нечто, чем он сможет похвастаться в ответ. Лишь бы это было круто по понятиям его сообщества. И это всегда возможно, если вы понимаете своего ребенка. Но иногда нужно плюнуть на сложности жизни и просто купить ему ту вещь, которая спасет его душу от раны. Даже несмотря на сложности с семейным бюджетом.

Скорее всего, после этого его душа вылечится, он поймет, что его не обделяют любовью, и перестанет болезненно откликаться на хвастовство других детей. А что ему!? Его же любят больше!

Итак, любовь матери где-то есть, но она спрятана за мировоззрением. В итоге ребенок может обижаться на маму, что она мало его любит. Однако уже сама эта обида означает, что он знает, как она должна любить. Это возможно только в том случае, если ты знаешь, что мама вообще любит тебя. Любит, ты это видел, а потом вдруг стала любить меньше.

Следовательно, мы все видели материнскую любовь, мы все её знаем, и могли бы составить себе о ней понятие, да вот сложности мировоззрения и культуры мешают...

И все же, попробуйте вспомнить, когда вы однозначно чувствовали, что мама любит вас. Отсеките слои заботы, отсекайте её знания, как надо правильно показывать любовь, просто вспоминайте. Просто удерживайте себя, глядящим в сторону любви своей мамы.

И если вы будете упорны, вы прорветесь сквозь свои знания о ней, сквозь ее знания о том, как надо испортить жизнь любимому чаду, и вдруг ясно, будто всегда умели, увидите странное движение в вашу сторону, которое совершает нечто, выходящее из её груди. Оно предшествует всему, что она потом скажет или сделает. И даже тому, на что вы рассердитесь или разозлитесь. Оно до её слов и поступков, как основа, как волна, вызывающая их.

Это движение души.

Оно чисто и просто, но проходит сквозь слои культуры в нашем сознании, сквозь лопоть, как называли это мазыки, и мгновенно искажается, становясь умным и правильным...

И всё же: вы видели движение её души к вам, видели неоднократно.

Его что-то вызывает. Думаю, вы догадались, что.

Сквозь образы миров³

Пока ребенок маленький, мама счастлива. И бабушки счастливы. Почему-то младенец считается ими ангелочком. Не иначе как потому, что он дарует им счастье, а подлинное счастье доступно лишь в раю... Но как он дарит мамам и бабушкам счастье? Ведь он вовсе ничего такого не делает, он просто живет, растет, учится быть тем, что этого же самого счастья будет их лишать, когда чуточку подрастет!

Вот это последнее очень важно для понимания. Мамы и бабушки обучают младенца быть тем, чем он станет, пройдя сквозь их руки. И это, во что он превратится, благодаря их усилиям, украдет у них то блаженное состояние, которым они так наслаждались, пока он был бессмысленен и беспомощен. А что он обретет? Способность ходить, брать вещи и есть сам? Этому бабушки и мамы только радуются. Способность говорить? И этому они тоже радуются. Способность думать? Разумность?

Нет, он обретет с их помощью определенное воспитание, которое все убьет. В сущности, он начнет вторить своих родителей и других детей, которые вторят своих родителей, и счастья больше не будет. Следовательно, есть основа, которая прекрасна, как все младенцы, и есть дополнения к ней, своего рода напластования, которые эту красоту убивают вместе со счастьем.

Как эта основа и эти поверхностные слои соотносятся с пониманием?

Ну, то, что в нашей культуре лишнего понимания нет, это я даже рассматривать не буду. Воспитание наших детей их пониманию не учит. Так что, если счастье зависит от понимания, воспитание, принятое в нашем обществе, счастьем не способствует.

Но почему женщины так счастливы, пока возятся с младенцами? Разве там есть понимание? Ведь ребенок не может говорить, а значит, он не может высказать себя. К тому же, он, как говорит народ, несмышлениш. Иными словами, он еще не разумен, и сам думать о том, как понять маму или бабушку, не будет и не умеет. Но они счастливы! Может быть, вопрос не в понимании?

В понимании, в понимании!

Счастье – это не только, когда понимают тебя, но и когда понимаешь ты.

Пока ребенок мал, у него нет лишних образов, и количество желаний у него мало. Всего несколько: есть, спать, испражняться, полетать на руках, устранить боль, смотреть на мир... Их все можно перебрать вместе с пальцами рук и перепробовать. И, чаще всего, ты попадаешь в то, что остановит его плач. Ты поняла, он больше не кричит, это счастье!

Пока у дитя нет разума, точнее, лишнего разума, у него нет и лишних образов и лишних желаний. Угадать, что он хочет, гораздо проще, чем понять взрослого ребенка. Это можно сделать простым перебором возможных и привычных действий, для этого не надо думать, достаточно шевелить руками и не лениться. А для недоспавших мамаш, которые во время кормления грудничка находятся в состоянии почти клинического сумасшествия от перегрузок, это единственное, на что они способны.

И главное, не думать и не делать усилия понимания!

Счастье этой поры оказывается не наслаждением от общения с тем, кого понял, а удовольствием от покоя, который можно достичь самыми простыми телесными действиями и усилиями. Они, оказывается, способны заменить понимание, и это счастье! А младенец, которого можно быстро успокоить, перебрав всего пяток нужных телодвижений, – ангелочек!

У опытных женщин этот подход к пониманию ребенка превращается в привычку. Если ребенок чем-то недоволен, его надо накормить, проверить температуру, попоить чаем с вареньем, переодеть, отправить спать... Привычка выше нам дана, замена счастьем она...

³ Глава из книги А. Шевцова «О понимании». Иваново: Издательское Товарищество «Роща Академии», 2013.

Пока потребности младенца так узки и однообразны, этот образец поведения срабатывает, и потому закрепляется. Если женщина рождает не один раз, то он закрепляется из разу в раз и становится главным способом ее общения с детьми.

Но младенец вырос, у него появляются новые интересы, мир, в который он уходит, расширяется, а мамаша остается где-то в том крошечном адско-райском мирке, где она психически разрушена своим счастьем и все не может вырваться из этого потрясения, которым так наслаждалась. Подросший ребенок, который любит маму и верит, что она умная и может помочь ему в любой беде, бежит к ней за советом, а она спрашивает, хорошо ли он питается, и есть ли у него запасные носки...

Ей вовсе не по силам не только помочь ему, но и просто понять это, чужое ей существо. Она глядит на него, а видит тот кошмар, который обрушился на ее девичье сознание, когда он был ангелочком. Она – просто самка, животное, способное лишь плодородить и вскармливать... И ребенок уходит из дома... С ним уходит и счастье.

Чтобы не жить до самой смерти лишь воспоминаниями о том блаженстве, когда ты понимала своего младенца, надо вернуть себе человеческое состояние. Говоря медицински, послеродовая реабилитация матери должна включать возвращение способности жить общечеловеческими интересами и понимать современных людей. Хотя бы потому, что вашему дитяти придется жить именно среди современных людей.

Конечно, многие матери, обладающие силой духа, и сами проделывают такое возвращение в здоровье. Чаще всего, они изначально не хотят быть биологической машиной продолжения рода и решают родить ребенка, как бы совершая путешествие в мир материнства, чтобы выполнить свой материнский долг, и чтобы привести в этот мир ту душу, которую должны привести. Но путешествия однажды должны заканчиваться, и такие матери возвращаются к себе, как только долги заплачены.

Но и у них нет определенной культуры или знаний о том, как это делать. Они, как говорится, доходят до такого отношения интуитивно. А нужно, чтобы это было общим пониманием общества. Женщина должна родить, но она человек, и после родов и всех их тягот должна остаться собой, а не разрушиться до полуживотного состояния.

Значит, надо иметь мечту о том, кем ты хочешь быть сама по себе, помимо своего биологического предназначения, и идти к этому и до родов, чтобы было куда возвращаться после них. Но это не главное для моего исследования.

Главное, что это необходимо, чтобы счастье не уходило из дома.

Те женщины, которые проделывают это неосознанно, просто потому, что обладают очень сильным духом, довольно часто все равно теряют понимание и дружбу со своими детьми. Просто потому, что они оказываются заняты своими чаще всего, творческими делами, и им нет дела до детей. При этом они их очень любят, даже стараются понимать, но не могут.

И это опять означает, что даже у них отсутствуют знания и культура понимания.

Если женщина после родов остается в состоянии самки, которая должна обеспечивать потребности младенца, она не сможет понять подросшего ребенка, и счастья в доме не будет. Если женщина после родов возвращается к своей прежней деятельности и уходит в нее целиком, она опять же не сможет понимать своего ребенка, и счастье в семье – не ее судьба.

После родов и кормления необходимо восстановиться. Не только телесно, но и как личности. И восстанавливаться надо так, чтобы ребенок даже не замечал, что между вами уже совсем не те же самые отношения, когда он был младенцем. Он растет, вместе с ростом его тела растет и его мир. Причем, он растет как пространственно, так и по возможностям. Иначе говоря, в этом мире появляются дополнительные мирки, куда ребенок с удовольствием входит.

Например, песочница – это свой мирок. И двор – это мирок, детский сад, пляж, парк, кружки и секции, школа... Там он учится познавать устройство миров, учится видеть силы. Как силы жизни, так и правящие силы, учится выживать. Это ведь малые миры, в них малы и

опасности, и силы, противостоящие ребенку. Маминих сил вполне хватает, чтобы защитить его в случае ошибки. Но вот маминого ума редко хватает, чтобы научить его побеждать в разных мирах. А это для ребенка важнее всего...

Миры, куда входит и будет входить ваш ребенок, настолько малы, что вы даже не сможете туда втиснуться. Просто попробуйте влезть в песочницу или в детский сад. Вам придется проделывать над собой какое-то чародейство, наложить заклинание превращения и стать одним из детей либо воспитательницей в саду. Без усилия это невозможно, хотя бы потому, что лично вам вовсе не хочется вдруг сесть в песок и начать лепить из него куличики.

Значит, вам не полететь за своим слётком телесно, и не закрыть его от всех бед своим телом, как бы вы этого не хотели. Вы можете путешествовать по его мирам только душой, а для этого надо понять, что вам доступны лишь образы его миров. Вы можете их создать, наблюдая со стороны, можете, выслушивая его и читая умные книжки. Но без создания этих образов вам его ни понять, ни помочь.

Вот это искусство и должно быть главным в послеродовой реабилитации. Не задерживаться кормящей клухой, а возвращаться в человеческую жизнь, чтобы знать, как она устроена, чтобы иметь средства и возможности, в случае беды, извлечь своего детеныша из того мирка, где он угодил в ловушку, и перекинуть его в иной. И чтобы всегда мочь понять и его, и его задачи. И решить их. Лучше, если не за него.

Но она должна все время быть над его мирами и уметь заглядывать в них, посылая улыбку из-за насыщенных солнечным светом облаков. Для этого надо обладать способностью свободно путешествовать по любым мирам этой Поселенной...

В сущности, чтобы женщине восстановиться после рождения ребенка, когда маятник ее жизни качнулся почти до животного, надо не просто вернуться к человеческой жизни. Ей надо пойти дальше и стать немножко богиней.

О педагогике

О педагогике и детской психологии⁴

«Учась в университете на психологическом факультете, я успела поработать в детском доме, детской психбольнице, детском саду. После университета сама начала создавать, сначала это была Школа развития для малышей, сейчас частный детский сад. И всегда за всей пеной стояла одна задача, понять как развивать детей, что им на самом деле нужно.

Я билась и бьюсь как в ловушках в образах созданных обществом и никак не могу шагнуть за их рамки. Не хватает настоящего более глубокого понимания, а кто такие дети на самом деле? И как им можно помочь?»

Если честно, детская психология проста и прозрачна, но требует решительности. Детей нельзя предавать и нельзя предъявлять требования, противоречащие друг другу. Все должно быть разумно и понятно ребенку, даже если это жестоко. Вот жестокость мира по отношению к телу дети переносят хорошо, как когда-то хорошо переносили телесные наказания. А раздразнить в душе им непереносим.

Так требования современного мира строго обратны: нельзя трогать детские тела, зато можно загаживать им души. И это настолько сильно в общественном мнении, что вам просто не переломать себя, чтобы нарушить их. В итоге вся детская психология будет очередной болтологией, которую вы все равно не возьмете. И будете сюсюкать, а потом тайно срывать злобу на своих детях, вместо того, чтобы честно готовить их к трудностям действительного мира...

⁴ Из переписки А. Шевцова с читателями.

Человек как предмет воспитания. Ушинский⁵

Наш величайший педагог Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) прожил недолгую жизнь. Его главный труд «Человек, как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», который и заложил основы всей русской педагогики, так и не был завершен. С 1862 по 1867 год Ушинский жил в Швейцарии, где изучал постановку образования. Вернувшись в Россию, он с 1868 года успел написать два тома; третий остался незавершенным...

Эта книга содержала в себе не только педагогику, в ней было дано психологическое основание воспитательной работы. Исходя из того, что ученик не сосуд, который надо заполнить, а факел, который следует зажечь, Ушинский очень много ставил на то, чтобы разжечь самостоятельный интерес детей, научить их делать собственное усилие – кстати, усилие по собиранию и направлению внимания. Поэтому он писал книги для самостоятельного детского чтения – «Детский мир», «Родное слово».

Признание, которое труды Ушинского получили после смерти, огромно. Был ли он признан при жизни?... Как бы там ни было, но Ушинский сегодня – признанный основатель «научной педагогики в России». Это заявление не вызовет возражений ни у одного педагога и ни у одного академического психолога, поскольку психология наша все советское время была жестко связана с педагогикой.

И, вероятно, все они подпишутся под словами П. В. Алексеева, который в словаре «Философы России» повторяет вслед за Михаилом Ярошевском о главном труде Ушинского:

«В этой книге, ставшей учебником для поколений русских педагогов, излагались прогрессивные представления о развитии целостной личности под решающим воздействием воспитания и обучения. Полагая, что нравственная детерминация, идущая от общих устоев жизни народа, есть решающая сила в построении специфически человеческого уровня деятельности нервной системы.

Ушинский искал пути естественно-научного обоснования педагогики».

До сих пор, обращаясь в Интернет с вопросом об Ушинском, вы получите примерно следующее:

«Опираясь на материалистическую гносеологию, достижения психологии и физиологии, У. раскрыл особенности умственного развития ребенка. Он исследовал психофизическую природу обучения, дал анализ психологических механизмов внимания, интереса, памяти, воображения, эмоций, воли, мышления, обосновал необходимость их учета и развития в процессе обучения».

Ушинский – материалист, демократ; его педагогика построена на психофизиологии нервной деятельности; из нее же выводятся им и «механизмы» внимания.

Кажется, все, кто пишет о нем, вплоть до самых маститых, либо не читали Ушинского, либо осознанно искажали его.

⁵ Главы на с. 15–55 из книги А. Шевцова «Введение в прикладную психологию внимания». Иваново: ИТ «Роша Академии», 2013.

Целое души

По сути, Ушинский продолжает с помощью своих предшественников создавать описание исследуемого явления, то есть внимания. Поэтому он разворачивает понятие «Целое души», созданное Бенеке.

«Внимание, – говорит он далее, – не находится изолированно в душе: склонности всякого рода (а склонность, по Бенеке, также образуются из следов) могут ослаблять или напрягать его, и в этом отношении внимание находится в тесной связи с моральной стороною человека» (Ушинский, с. 212).

Далее Бенеке бредит на тему хорошего внимания, то есть внимания направленного в хорошую сторону, которое называет «первою добродетелью детства». Немецкая идеалистическая философия вообще плохо различала действительность души от желательного для добропорядочного немца. Это ярко показал Кант, когда нес чушь про внимание в своей «Антропологии». Ушинский цепляется в этом бессмысленном облаке за возможность воспитания и образования, опуская всю заумь. Исходным основанием собственного рассуждения он берет слова Бенеке: «Наблюдая, к чему особенно внимательно дитя, вы можете вывести довольно верное заключение об истории его души». (Там же)

Как видите, все «следы» куда-то пропадают, и остается нечто вполне понятное и доступное: история души хранит в себе склонности человека, что, очевидно, должно означать, что в душе накапливаются интересы, то есть желания и мечты, и склонности, которые приходят в нее исторически. Это утверждение вряд ли до конца верно, уже потому, что эти склонности могут жить не в душе, а в сознании. Вопрос о том, что именно хранит историю души, не прояснен. Как не прояснено и само понятие «история души». По крайней мере, должно быть точно определено, идет ли речь о том, как душа являет себя, или о том, как накапливается культура.

Тем не менее очевидно, что именно это содержание сознания, в котором душа являла себя, пока оно складывалось в личность, и управляет вниманием. Более того, если внимание пробуждается при виде чего-то, у этого интереса есть причина, скрывающаяся в сознании человека. Это значит, что внимание, точнее то, как происходит управление им, вполне может быть одним из орудий самопознания или изучения человека. Итак, Бенеке:

«Наблюдая, к чему особенно внимательно дитя, вы можете вывести довольно верное заключение об истории его души».

Эта заметка Бенеке совершенно верна и применима не к одним детям. Если вы хотите узнать направление и взрослого человека, то присмотритесь и прислушайтесь со стороны, к чему он особенно внимателен.

«Рассказывая что-нибудь в обществе и присматриваясь, в какой стороне рассказа оказался внимателен тот или другой из слушателей, можно вывести более верное заключение о степени развития и направлении каждого, чем наблюдая, что они говорят сами» (Т. ж., с. 212).

Это любопытное упражнение, хотя оба мыслителя утопичны, полагая, что оно возможно. Они оба весьма переоценивают действительные возможности подобного исследования. И не в том смысле, что внимание не отражает внутренних склонностей человека или его предпочтений. Как раз наоборот. Все происходит именно так. Но объем того, что привлекает внимание, а значит, и объем внутренних причин для направления внимания, столь велик, что упражнение это оказывается невозможным. По сути же, оно просто очень плохо описано. Схвачен лишь исходный принцип, некое прозрение: направленность внимания соответствует внутренним склонностям человека. А значит, наблюдая за работой его внимания, мы можем понять, чем он живет, или чем живет его душа.

На деле же это лишь допущение, выведенное Бенеке, а за ним Ушинским, из вполне бытового наблюдения, которое действительно доступно любому: чем занимается человек, то

для него и важно. А значит, по делам и поступкам человека можно судить и о его склонностях и о направленности его внимания, поскольку оно всегда присутствует в том, чем мы заняты.

Но это не значит, что это упражнение бесполезно и его нельзя использовать. Оно прекрасно работает при самопознании. То есть в мире больших скоростей. В чем слабость этого упражнения в быту? В том, что видя, что ребенок или взрослый направил внимание, ты должен делать предположения и умозаключения. Во-первых, даже то, что он направил внимание на что-то – лишь твое предположение, в котором ты можешь ошибаться. Как при рассказе, который, как кажется Ушинскому, вызвал внимание человека. Рассказ мог быть лишь поводом для воспоминания или соображения, которые и заняли внимание.

Во-вторых, даже точно определив, что именно приковало внимание, ты еще должен догадываться и выяснять, почему внимание обратилось именно сюда. И что именно в этом важно для человека. Все эти умозрительные построения составляли самую суть того, чем гордился в себе психолог той поры: он по одному взгляду на человека прозревал его до самых корней!

Но в действительности и упражнение это и вся умозрительная психология строились на корнях, подобной знаменитой фразе без запятой: «Казнить нельзя помиловать». Все приблизительно верно в умствованиях философа или психолога, вот только результаты несовместимы с жизнью.

Зато как упражнение самопознания этот прием великолепен, поскольку у нас есть тот, кому не надо умничать, поскольку он знает действительные ответы. Это ты сам. А кто еще знает, действительно ли что-то привлекло твое внимание, действительно ли его привлек именно этот рассказ, и какая именно часть рассказа привлекла.

Но и это не все: если какая-то часть рассказа привлекла, то ты в силах найти и то, почему это для тебя важно. А если сам не в силах пробраться до глубин своего сознания, то тут-то и приходит время психолога-профессионала. Психолог вовсе не обязан за человека гадать, что у него за склонности, но он обязан уметь помогать находить любые источники этих склонностей в человеческом сознании.

И если психолог составит тексты на жизненно важные темы, связанные с какой-то задачей, то эти тексты либо будут приниматься целиком и с полным вниманием, либо будут вызывать сопротивление в определенных местах, которое отвлекло внимание. И тогда изучающий себя с их помощью человек может отметить все свои восприятия, а затем задаться вопросами, почему что-то отвлекало его внимание и мешало принять главное?

Так начинается работа над собой. Она начинается с самопознания. Но найдя причину и устранив ее, очистив свое сознание, мы переходим в самосовершенствование. Это и есть суть прикладной психологии, а когда-то было тем, что называлось философией. Но это было в те времена, когда философия была прикладной, то есть образом жизни.

Образование внимания

Ушинский продолжает следовать за Бенеке, который был последователем Гербарта и потому уделял большое внимание педагогике. Естественно, Ушинский не мог игнорировать эту школу. Это не значит, что он – последователь Бенеке или Гербарта. Он весьма критичен и берет лишь то, что можно назвать описанием явления, да и то если оно сделано верно, на его взгляд.

Однако этот прием имеет и свои недостатки, в частности, если Бенеке не слишком хорошо обосновывает какое-то действие, то это обоснование отсутствует и у того, кто за ним следует. Поэтому некоторые темы в изложении Ушинского возникают как бы внезапно. Например, тема образования внимания:

«Но если наблюдение над вниманием важно, как средство познакомиться с содержанием души питомца, то еще важнее прямое влияние воспитателя на образование внимания в воспитаннике.

Понятно, что там, где уже положено прочное основание хорошему вниманию, остается только продолжать расширять сеть душевных ассоциаций в том же направлении; но что делать там, где приходится полагать первые следы или, что еще труднее, бороться с дурными задатками, положенными прежде? В ответе на этот вопрос очерчиваются дурные и хорошие стороны бенековской теории души, как ассоциации следов» (Ушинский. С. 213).

Что такое образование внимания? И почему оно важно? То, что его считал важным немецкий идеалист и последователь эмпирической психологии Бенеке, не имеет никакого значения. Немец той поры несколько не сомневается, что из ребенка надо делать послушную машинку, встроенную в государственную систему. Почему это может быть важно для нас?

Ответов нет. Их придется извлекать прямо из рассуждений об образовании. И я не могу заранее предположить ничего определенного, поскольку боюсь, что даже само внимание понимаю совсем не так, как Бенеке. Но приму одно: детей надо учить управлять своим вниманием.

Итак: «В этих случаях, – говорит Бенеке, – обыкновенное прибегают или к усилению внешних впечатлений или к возбуждению мотивов, посторонних предмету внимания: „ребенку обещают то или другое, если он действительно займется духовно тем, чем его хотят занять, или угрожают ему наказанием и проч.“» (Там же).

Если взглянуть, то Бенеке весьма поверхностно проскакивает заявленную тему образования внимания и в действительности говорит об использовании внимания для образования ребенка. Из приемов же воздействия, заставляющих ребенка управлять своим вниманием, он поминает лишь кнут и пряник, ни на шаг не уходя от того, что было найдено в древности. Да и то вопрос, было ли оно найдено или лишь принято в качестве приема, поскольку составляет самую ткань бытия человека!

Что такое награда, которую обещают, и наказание, которым угрожают? Это выражение закона бытия, лежащего в основании и жизни и разума. Все живые существа стремятся прочь от боли к мягкому, любящему, сытому и теплomu. Старые русские мазыки называли это Лучом райского возвращения. Они любили образные выражения и игру смыслов и считали, что мы живем в поисках утерянного рая, а наши предпочтения указывают нам путь Домой...

Разум тоже всегда решает задачи выживания именно так, чтобы избежать боли или наказания и привести к желанному. В силу этого и внимание нацелено на то, чтобы выхватывать из потока восприятия именно эти полярные вещи: то, что угрожает болью и разрушением, и то, что обещает жизнь, сытость, радость и наслаждения.

Выдать это за открытие своей педагогической школы, конечно, можно, но было бы достойней просто описать это как данность человеческого существования вообще и всеобщее основание работы внимания в частности.

Бенеке как-то сильно путает дальше восприятие его теории с помощью своих знаменитых «следов», как будто хочет их замести. Поэтому пересказывать его трудно. Ушинский эту слабинку не упускает:

«Просим читателя обратить внимание, как в этом месте нерешителен язык Бенеке, обыкновенно столь догматический: эти беспрестанные „почти“, „по большей части“, „разве“, показывают, что здесь психологическая его теория столкнулась с неумолимою действительностью» (Т. ж., с. 213–214).

И далее он постепенно от умозрительных допущений немецкого философствования переходит к построению своей педагогической психологии. Сначала он показывает, что Бенеке, как и многие другие кабинетные ученые, прибегают к темноте и неопределенности языка, чтобы скрыть, что их теория не работает. Если бы он постарался быть последовательным, ему бы пришлось «расстаться с ролью педагога». А этого Бенеке не хотел.

Поэтому он говорил мудрено и непонятно: «...произошло ли уже ложное образование внимания или нет, давай дитяти решительное направление на предмет. Только следы, остающиеся от сильного восприятия предмета, могут увеличить внутреннюю силу внимания» (Т. ж., с. 214).

Это странное утверждение вызывает у Ушинского множество совершенно естественных вопросов:

«Однако что же значит дать дитяти решительное направление на предмет? Как же дать его, если ни усиление впечатления, ни посторонние мотивы не достигают этой цели, как говорит сам Бенеке выше? <...> И зачем ему эти посторонние мотивы, когда у него есть прямое средство действовать на установление хорошего внимания в детях? Зачем он не уяснил нам этого прямого и единственного полезного средства? Затем, что, вникнув в это педагогический вопрос, Бенеке был бы должен подкопать самое основание своей психологической теории и теории своего учителя Гербарта; затем, что, не признавая души, независимой от следов впечатлений и обладающей способностью сознания и произвола, мы не можем объяснить себе произвола в направлении нашего внимания; а не признав этого произвола, признав всю душу за ассоциацию следов, которые тянут за собою другие следы того же рода и т. д., мы уничтожаем всякую возможность произвольного воспитания души» (Т. ж., с. 215).

При всей своей философичности, Бенеке имел совершенно механические взгляды на устройство человеческой души, почему и избрал объяснять ее движения с помощью английского ассоцианизма и эмпирической психологии.

Психология, если ее не упрощать, не делать удобной для психолога, а видеть как познание действительной души человека, совсем не так проста в употреблении, как хотелось бы академическим ученым. Она предполагает прикладную работу. Да что там прикладная работа! Она предполагает работу над собой!

О, это задача! Гораздо сложнее, чем писать заумные и никому непонятные статьи, переполненные магическими словами из птичьего языка.

Настоящая психология должна работать! Как и настоящая педагогика. А работать наука может лишь тогда, когда она описывает действительность. И наоборот: если наука не работает, значит, она не настоящая и не о действительности!

Ушинский совершенно верно высказывается относительно всех подобных кабинетных психологий и педагогик:

«Разве мы не можем каждую минуту проверить справедливость этого опытом?» (Т. ж., с. 217).

Психология становится действенной тогда же, когда и педагогика, – когда она обращается к душе. Без души эти науки искусственны и мертвы.

Развитие детского внимания

Ушинский изучает предшественников не затем, чтобы написать диссертацию. Его задача вполне определенная – изменить образование в России, сделать его действенным и душевным. Поэтому он выбирает из Бенеке и Гербарта все, что может быть полезным для дела. И начинается он с того, что считает основой педагогики – с психологии.

Первый вопрос, с которым сталкивается учитель: как перевести внимание мальчика, поступившего в школу, с того, чем он был занят, на учебные предметы? Как заставить его учиться и как привить ему желание учиться?

«Ошибка бенековской (и гербартовской) психической теории, отвергающей произвол души, высказывается здесь во всей силе: здесь действительность и практика прямо указывают на ошибку теории» (Ушинский. С. 216).

Ошибка теории – это звучит мягко. Ушинский уважает своих предшественников. А я позволю себе сказать жестко: психология без души – это не психология. И даже одного признания, что душа есть, и использования слова «душа» в рассуждениях недостаточно, чтобы психология стала психологией. Нельзя говорить о душе в рамках науки, так советские психологи после Павловской сессии 1950 года «приговаривали» Павлова, то есть вставляли поминания его в тексты своих сочинений.

Душу надо не приговаривать, ее надо изучать. Поэтому просто заявления про душу ребенка остаются пустышкой, если в них не войти и не развернуть их точным рассуждением на основе наблюдений и экспериментов.

Наблюдение показывает, что дети, придя в школу, вдруг увлекаются учебными предметами. А психология Бенеке не предполагает такой смены предметов. Тем хуже для души! А заодно и для действительности! Умствования психолога ценней действительности, потому что не переделывать же то, во что вложил столько труда?!

Ничего страшного, – если ты не переделаешь сам, за тебя это сделают другие. А ты пойдешь на свалку вместе со всеми твоими сочинениями и публикациями.

Ушинский утверждает: душа имеет волю, то есть свободу изменить свою жизнь, даже если содержание сознания предписывает ей какое-то поведение. Изменить в сознании можно все: правила поведения, нравственность, образцы и даже сумасшествия. Это мое сознание, и я ему хозяин!

Но нужно терпение и труд!

«Но, тем не менее, заметка Бенеке о необходимости большой дозы терпения со стороны воспитателя, когда требуется исправить испорченное внимание дитяти, имеет полную силу. Ничто так не испытывает терпения наставника, как испорченное внимание ученика, и ничто так часто не вызывает упреков, брани и взысканий, которые только еще более отвлекают внимание дитяти от предмета» (Т. ж., с. 216–217).

И Бенеке, и вслед за ним Ушинский, словно теряют какое-то психологическое чутье, когда дело доходит до педагогики. Они всерьез говорят об испорченном внимании и о его развитии, хотя речь идет именно о том, что было ими названо «целым души», то есть о склонностях души и содержании сознания.

Надеюсь, это очевидно: к чему бы ни был склонен ребенок, как бы трудно ни было его заставить удерживать внимание на учебном предмете, это не характеристика внимания и ничего не говорит о его качестве. Даже рассеянность и неспособность долго удерживать внимание на чем-то одном не говорит, что внимание испорчено.

Мы до сих пор не знаем, что такое внимание. Тем более не знали это полтора века назад. Ни что оно такое, ни как оно работает. И даже не задались целью понять, что и как управляет вниманием. Однако мое предшествующее исследование дает мне все основания утверждать:

внимание управляется разумом, хотя и не принадлежит ему. Поэтому оно всегда там, куда направил его разум.

И поэтому все эти сложности с управлением вниманием ученика – есть на деле сложности его разума. И править, как и развивать, надо не внимание, а разум! Что вовсе не означает, что мы не можем осознанно развивать способность удерживать внимание на избранном предмете. Не исправлять внимание и не развивать его. А возвращать в себе способность управлять им!

Внимание, как и восприятие, очень малодоступно нашему воздействию. И при этом мы пользуемся ими, наша природа это предусмотрела и позволяет. Но если мы будем прикладывать усилия не к тому предмету, толку все равно не будет. Поэтому надо точно определиться с тем, чему я могу быть хозяином, а что мне очень малодоступно в том моем состоянии, в котором я себя обнаруживаю в начале самосовершенствования.

«Совершенно справедлива также и та заметка Бенеке, что воспитание внимания не оканчивается детским возрастом, и что впоследствии все наше образование, по какому бы то ни было социальному предмету, выражается в накоплении следов и их организации, следовательно в развитии внимания в избранном направлении» (Т. ж., с. 217).

Не уверен, что Бенеке и сам Ушинский поняли, что сказали в данном случае. Но если отбросить лишнее, вроде непонятных «следов», и задуматься, то прозвучала вполне простая мысль: педагогика занимается вниманием лишь затем, чтобы заставить детей лучше усвоить учебные предметы. Иными словами, общество использует внимание ради того, чтобы его члены вложили усилие в то, чтобы стать членами этого общества.

А на деле и учеба в школе, и последующие усилия по приспособлению к обществу – не более, чем упражнения, обучающие нас управлять вниманием. И если глядишь на жизнь с этого места, то становится очевидным: все эти школьные предметы и все последующие общественные институты – не важны! Ведь они меняются от школы к школе, от государства к государству, от эпохи к эпохе...

А внимание вечно, и оно вечно загадка и вечно неуправляемо!

И при этом школы и государства меняются вокруг меня, как тени бегущих облаков, а внимание остается, и остается непонятым и непокоренным!

Разве это не вызов?!

Особое существо

Заявив необходимость развития и образования внимания, Ушинский ищет средства для этого. Понятно, что средства могут быть самыми разными: учитель, постоянно стоящий над душой, отец с ремнем, зверь – собака или бык, мимо которых надо проскочить, – учат нас управлению вниманием и весьма преуспевают в этом.

Но Ушинский должен найти не бытовые, а психологические средства. Что равнозначно с объяснением того, как это делается вообще и как устроен человек.

Можно ли найти такие средства, если не понимать устройства человека? Вряд ли. Психолог должен знать, что в тонком составе человека способно воздействовать на внимание, – именно оно и окажется средством, с помощью которого можно развивать и образовывать.

В этом отношении образование внимания оказывается образованием и воспитанием тех средств, которые могут на него воздействовать.

К тому же нельзя забывать, что мы не можем действительно изменять само внимание, вмешиваться в природу внимания нам не надо. Мы можем ее лишь использовать – лучше или хуже, но не более того. Значит, в действительности речь идет не о развитии внимания, а о развитии способности или даже навыка им управлять.

Что может управлять вниманием?

Ушинский вынужден обращаться за ответом к самой современной для его времени психологии. А она знала немного о действительном устройстве человека. И первое, что казалось очевидным в то время, как, впрочем, и сейчас, – это воля.

Понятие воли очень сильно запутало психологию, особенно русскую. Да, наверное, и философию. Нашим психологам и философам почему-то очень хотелось видеть жизнь человека в виде триады, которая все в ней определяет. Наверное, это упрощало работу исследователя, сводя все исследование к перебору простейших сочетаний трех исходных сил.

В этой триаде человеческой душевной жизни могли оказываться разные понятия, но одно из них всегда было волей. Ушинский пишет об этом во втором томе своей книги:

«Такое деление психических явлений на три области очень старо, и напрасно некоторые приписывают его Канту... Основы такого разделения психических явлений мы встречаем у Спинозы и Декарта, у Аристотеля и Платона; но, что всего важнее, встречаем в общечеловеческой психологии, как она выразилась в языке народов: везде язык разделил ум, сердце и волю» (Ушинский. Т. 2. С.213).

В действительности, это домисел психологов. Народная психология как раз не знает ни воли, ни силы воли. Эти выражения – неологизмы, как их называют. Иначе говоря, эти части душевной жизни далеко не всегда звучали именно так. И менее всех в древности и в народной речи звучит в этой триаде воля. Не говорят так ни Платон, ни Аристотель.

Собственно говоря, Аристотель ссылается в трактате «О душе» на Платоническое деление души на части, но звучит это так:

«Некоторые говорят, что душа имеет части, и одной частью она мыслит, другой желает» (Аристотель, 411b5).

По поводу этого места наши философы, издававшие Аристотеля единодушны. Составлявший комментарии к трактату А. В. Сагадеев: «Речь идет о Платоне, выделявшем в душе три части: разумную (в голове), аффективную, или движимую страстями (в груди) и вожделеющую (под диафрагмой)» (Сагадеев. С. 501).

В сущности, о том же самом говорит в предисловии к первому тому сочинений Аристотеля и Асмус, пересказывая собственные взгляды Аристотеля:

«Основные силы души – сообразующиеся с разумом и не сообразующиеся с разумом. В своем действии они принимают вид ума и желания. Главные проявления разумной души – умственная деятельность, неразумной – стремление, желание» (Асмус. С. 60).

Ни Платон, ни Аристотель не видят третьей частью душевной жизни волю, хотя знают это понятие. Однако они говорят о желании. О том же самом пишут и исследовавшие древнегреческую психологию времен Гомера Фаддей Зелинский и Ричард Онианс. Воля не существует для древнего грека в том значении, что она существует для современного психолога.

Не существует она и для русского человека, пока это понятие в виде «воли божией» не вносится в его сознание христианством. Если о воле пишет языковед, он сопоставляет ее только со свободой. Историк языка может писать и о воле как некоей силе, которой следует отдаться. Но строго в связи со святоотческими творениями.

Что это – плохой перевод какого-то греческого или иудейского понятия или же неправильное понимание того, что в действительности воля божия не есть принуждающая сила, а есть разрешение делать то, что хочешь, я судить не берусь. Но психологам зачем-то понадобился особый деятель в душе человека, который объясняет все его силовые деяния.

При этом психологи пожертвовали желаниями и не рассматривают их в качестве носителя силы. Итог: сила воли – не существующее, но очень желанное явление – приковало к себе умы исследователей. Вполне естественно, что поскольку его нет, то и найти объяснения в этом месте не удастся. На воле наука не только спотыкается, но и теряет научность...

Однако я не в силах ставить Ушинскому в упрек то, что он использует понятия современной ему психологии. Тем более, что разбирая германскую и английскую школы он сохраняет самостоятельность и здравый смысл, заявляя, что «и то и другое в крайности своей неверно. Воля, как мы это увидим ниже, не возникает из следов ощущений, но принадлежит душе, как самостоятельная способность» (Ушинский. Т. 1. С. 221).

Что это за способность? Ушинский заявляет, что это уже не сила воли, а сила интереса, и тем приближается к пониманию воли как желания. Отсюда и педагогический вывод, с которым вполне можно согласиться:

«... Чем более накапливается в душе следов побед воли над упорством непроизвольного внимания, тем власть наша над вниманием делается сильнее и новые победы для нее становятся легче» (Там же).

Даже если я не принимаю общеупотребительного использования в психологии термина «воля», он уже стал бытовым неологизмом и совершенно определенно обозначает нечто действительное. Скажем, силу желания. Именно так я и намерен понимать «волю» Ушинского. В таком случае он говорит о вполне очевидной вещи: чем больше усилий мы вкладываем в то, чтобы сделать внимание управляемым, тем большего достигаем в этом и тем легче становятся дальнейшие победы. Иными словами, наличие культуры управления вниманием – важнейшее условие этой битвы и успеха. Главное – усилие, нестигаемое, неослабное усилие.

Это начало прикладной психологии внимания, кажется, до сих пор не оцененное психологическим сообществом. А значит, остающееся самым передовым словом в психологии внимания.

«... Начало нашей власти над вниманием лежит не в следах ощущения; но и не в нервных токах, а душе, которая потому и имеет возможность распоряжаться в известных пределах, не превышающих ее природных сил, как следами ощущений, лежащими в нервной системе, так и нервными токами (если, конечно, эти токи существуют на деле, а не в одной теории Бэна)» (Там же).

Последние слова Ушинского можно отнести ко всей нейрофизиологии внимания; утверждения физиологов все же остаются лишь гипотезами, которые более желанны, чем доказаны. Не учитывать их Ушинский не может, но и ум терять не желает. Есть очевидные вещи, и пер-

вейшая из них: все нейрофизиологические теории не объясняют, почему я веду себя в одних и тех же случаях разным образом.

Без допущения свободной воли, то есть кого-то, кто совершает выборы, эти вещи необъяснимы, как бы ни упорствовали физиологи. Психология без души перестает быть объяснительной наукой!

«Свободное распоряжение следов ощущений самих собою и токов одних другими – есть невозможная нелепость; а так как факт свободного распоряжения существует, то мы и должны приписать это явление особому существу – душе» (Там же).

Психология внимания, наверное, может существовать в любом виде, как ее пожелают изложить психологи. Бумага все стерпит. А студенты все равно не имеют выбора слушать или не слушать лекторов, сдавать-то надо.

Но вот прикладная психология внимания, да и любая другая прикладная психология, без души не работает. Если применять к ученикам нейрофизиологические подходы, наверное, можно оправдать право на получение зарплаты школьного психолога. Но воспитание без обращения к душам не идет. Если учитель не видит души ученика, школа превращается в ад.

Прикладная психология внимания

Ушинский не успел дописать третий том «Педагогической антропологии». Остались только заметки, намечавшие разделы следующей книги. К счастью, достаточно подробные. Раздел «О воспитании внимания» составляет пять полных страниц, на которых сжато изложены взгляды Ушинского на то, как педагог должен работать со вниманием учеников, воспитывать и образовывать его.

Очевидно, если бы Ушинский развернул эти заметки, он многое высказал бы иначе. В таком виде это сочинение страдает определенными недостатками. И в первую очередь, отсутствием понимания собственного предмета.

Как и в предыдущей, теоретической части, где Ушинский, вслед за Бенеке и Гербартом, немало говорит о необходимости образовывать и упражнять внимание, он исходит из нескольких очевидностей, в которых не сомневается, и не замечает, что очевидность эта кажущаяся и, так сказать, культурная. То есть присущая той культуре, в которой он сам воспитан.

Первой очевидностью, похоже, является то, что все психологи той поры «знают», что такое внимание, и нисколько не сомневаются в себе. В силу этого они не идут дальше того уровня исследования, что им достаточен для их задач.

Вторая очевидность – это твердое убеждение, что внимание учеников надо развивать и образовывать. Вопрос о том, возможно ли это, у них не возникает, что еще раз свидетельствует о слабости исходного определения самого понятия внимания. Но я уже высказывал это сомнение: никем не доказано, что мы вообще можем оказывать хоть какое-то воздействие на явления, подобные вниманию, поскольку это является вмешательством в природу.

Но нам природой же дано управлять вниманием как оно есть. И мы это можем делать хуже или лучше. И это именно то, что нам требуется. Поэтому вся прикладная психология внимания на деле есть искусство управления вниманием. Поэтому и все, что сказано Ушинским о воспитании внимания, следует читать под углом воспитания способности управлять вниманием.

Третья очевидность выражается в безграничной уверенности педагогов девятнадцатого столетия в том, что они знают, на что и ради чего надо направлять внимание учеников. И если взглядеться, это воздействие на поверку оказывается внесением внешних ценностей в мир ученика, заставляющих его стать удобным для общества и государства.

Что нужно самому ученику, педагогом не рассматривается, поскольку он по исходному определению знает это лучше. Все мы можем свидетельствовать, что эта бездумная самоуверенность живет в педагогах и до сих пор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.